

Евгений Замятин. Рассказ о самом главном

ОСР Кудрявцев Г.Г.

Мир: куст сирени - вечный, огромный, необъятный. В этом мире я: желто-розовый червь Rhopalocera с рогом на хвосте. Сегодня мне умереть в куколку, тело изорвано болью, выгнуто мостом - тугим, вздрагивающим. И если бы я умел кричать - если бы я умел! - все услышали бы. Я - нем.

Еще мир: зеркало реки, прозрачный - из железа и синего неба - мост, туго выгнувший спину; выстрелы, облака. По ту сторону моста - орловские, советские мужики в глиняных рубахах; по эту сторону - неприятель: пестрые келбуйские мужики. И это я - орловский и келбуйский, я - стреляю в себя, задыхаясь, мчусь через мост, с моста падаю вниз - руки крыльями - кричу...

И еще мир. Земля - с сиренью, океанами, Rhopalocera, облаками, выстрелами, неподвижно мчащаяся в синь земля, а навстречу ей, из бесконечностей мчится еще невидимая, темная звезда. Там, на звезде - чуть освещенные красным развалины стен, галерей, машин, три замерзших - тесно друг к другу - трупа, мое голое ледяное тело. И самое главное: чтобы скорее - удар о Землю, грохот, чтобы все это сожглось дотла вместе со мной, и дотла все стены и машины на Земле, и в багровом пламени - новые, огненные я, и потом в белом теплом тумане - еще новые, цветоподобные, тонким стеблем привязанные к новой Земле, а когда созреют эти человечьи цветы...

Над Землею - мыслями - облака. Одни - в выси, радостные, легкие, сквозь розовеющие, как летнее девичье платье; другие - внизу, тяжелые, медленные, литые, синие. От них тень быстрым, темным крылом - по воде, по глиняным рубахам, по лицам, по листьям. В тени - отчаянней мечется Rhopalocera головой вправо и влево, и в тени чаще стрельба: солнце не мешает, удобнее целиться.

* * *

Миры пересеклись, и червь Rhopalocera вошел в мир Куковерова, Талин, мой, ваш - на Духов День (25 мая) в келбуйском лесу. Там - поляна, до краев налитая крепчайшим, зеленым, процеженным сквозь листья солнечным соком; посреди поляны огромный сиреневый куст, ветви согнуты тяжестью цветов; и под кустом, по пояс в земле - каменная баба с желтой тысячелетней улыбкой. Сюда придут сейчас к Куковерову пятеро келбуйских мужиков, чтобы сказать ему, когда они начинают: послезавтра, завтра, может быть - даже сегодня. Но пока еще пять минут Тале и Куковерову быть здесь вдвоем.

У Куковерова нет спичек, и он ловит солнце лупой - закурить. Молча растет на папироске седой, чуть курчавый пепел, и как пепел - у Куковерова волосы, а под пеплом...

Чтобы не смотреть на нестерпимые эти изгибы в уголках Талиных губ, Куковеров смотрит на каменную бабу. Но там - тоже губы, улыбка тысячелетняя. И он опять поворачивается к Тале:

- Вот - когда-то эти губы мазали человеческой кровью. В такой же день.

- А вы все, теперь, разве не мажете?

- Да. Но не только чужой - и своей тоже, своей кровью. И знаете - может быть...

И в себе - очень тихо: что, может быть, это случится уже завтра, послезавтра, и надо скорее взять как можно больше неба, и вот этот куст сирени, и роющего лапками в цветах шмеля, и еще - еще одно...

Пальцы у него чуть дрожат (один палец - прокуренный, желтый от табаку), с папиросы сваливается седой, чуть курчавый пепел.

- Вам, Таля, восемнадцать лет, а мне... Это, может быть, смешно, что я... ведь я вас знаю всего неделю. А впрочем... Вам никогда не приходило в голову, что теперь земля вертится в сто раз быстрее, и все часы - и все в сто раз, и только поэтому никто не замечает? И вот, понимаете, какой-то один день - или минута... Да, довольно минуты, чтобы вдруг понять, что другой человек для вас...

Густые, пригнутые вниз тяжестью цветов сиреневые ветки. Под ними вышитая кое-где солнцем тень - в тени - Таля. Ее густые, пригнутые вниз тяжестью каких-то цветов, ресницы.

У Куковерова уже нет слов, и неизвестно почему - нужно согнуть, сломать сиреневую ветку. Ветка вздрагивает - и вниз летит желто-шелковый Rhopalocera прямо на Талины колени, в теплую ложбину ее пропитанного солнцем и телом